

Сов. культура, 1984, 31 марта, № 39.

ВДОХНОВЛЕННЫЕ ЕГО

Игорь Моисеев,

народный артист СССР,

художественный руководитель Государственного
академического ансамбля народного танца СССР,
Герой Социалистического Труда

ГОГОЛЕВСКИЕ образы вошли в мою жизнь еще в детстве. Я жил на Украине, много времени провел в Диканьке, исколесил Полтавщину. Со своими двумя тетками — сельскими учительницами — объездил всю Украину, знакомился с теми местами, дыхание которых вдохновляло великого писателя. И, конечно, читал и перечитывал его книги, впитывал все оттенки чувств, волнений, страданий, радостей его героев.

Для меня представление о его героях навсегда соединилось с теми впечатлениями, которые дарили мне в детстве родные места. И, возвращаясь к самым ярким впечатлениям детства и юности, я одновременно возвращался к Гоголю. А позднее многое в жизни воспринимал сквозь призму гоголевского юмора, его жизнерадостности, учился его умению «гиперболизировать» жизнь, видеть ее как бы сквозь увеличительное стекло, что так необходимо в любом виде искусства.

Если говорить о моей профессиональной работе, то впервые, пожалуй, помогло мне творчество писателя в работе над танцем «Гопак». У Гоголя немало описаний этого танца, в нем словно бы передан сам дух запорожской вольности. Вообще герои его повестей в минуты особого подъема, в порывах радости часто выражают себя в танце. В «Сорочинской ярмарке» танцует перед зеркалом Параска, мечтающая о своем женихе; увидев танцующую дочь, пускается вприпрыжку ее отец Черевик; а потом уже «все неслось. Все танцевало». А описание свадебного танца в «Вечере накануне Ивана Купалы»? Для меня ключом к «Гопaku» стали слова Гоголя о «шароварах шириною в Черное море». Представив себе этакие шаровары, я включил в танец прыжок через шеренгу девушек, постоянно вызывающий живую реакцию зрителей.

Идея постановки балета «Ночь на Лысой горе» и

«Народных сцен» пришла давно. Потрясающая музыка Мусоргского, которого явно вдохновляли гоголевские фантастические образы... Но хотелось поднять коллектив ансамбля до того уровня, когда обращение к Гоголю было бы органичным, не требовало бы никакого творческого насилия. И когда я почувствовал, что коллектив готов к такой работе, началась репетиция. Актеры восприняли эту идею с восторгом. Никогда еще, пожалуй, они не работали с таким азартом. Не просто репетировали танцы, а создавали образы гоголевских героев: Пузатого Пацюка, его друзей, чертей и ведьм... Необходимо было проявить настоящую актерскую виртуозность, чтобы шабаш ведьм выглядел не пошло, а смешно, чтобы зрительла завораживало мастерство исполнителей. Мне кажется, артистам ансамбля это удалось.

Классика общечеловечна и вечна. Она не увядает. Но, с другой стороны, обращаясь к ней сегодня, тем более средствами другого вида искусства, необходимо искать приемы, которые способствовали бы сохранению ее современного звучания. В «Ночи на Лысой горе» я использо-

вал такой прием, может быть, скрытый от неискушенного зрителя, но заметный профессионалам. Это — ритмическая вставка, создающая переключку танца чертей и ведьм с рок-н-роллом. Это позволило внести в балет дополнительную долю озорства, присущего творческой манере Гоголя.

Меня радует, что наша новая работа нашла отклик не только у советских зрителей. Французские импресарио, познакомившись с ней, пригласили коллектив в Париж. Восторженные слова услышали мы от англичан, итальянцев, импресарио Аргентины. Последовали приглашения и в эти страны. Мы рады, что сможем познакомить зрителей других стран с нашей интерпретацией гоголевских образов.

Признаваясь в любви к Гоголю, скажу, что с удовольствием взялся бы за новую работу, связанную с его творчеством. Но сразу признать за нее не хочу, чтобы не было прямых ассоциаций с уже сделанным. А в будущем вижу «Тараса Бульбу». Ярko представляю себе эпические картины этой удивительной вещи, о которой можно сказать словами ее автора: «перл создания».